

Василий Леонтьевич Абрамов

На ратных дорогах

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Василий Леонтьевич Абрамов

На ратных дорогах / Василий Леонтьевич Абрамов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 164 с.

ISBN 978-5-458-03284-1

Без малого три тысячи дней провел Василий Леонтьевич Абрамов на фронтах. Он участвовал в трех войнах — империалистической, гражданской и Великой Отечественной. Его воспоминания — правдивый рассказ о виденном и пережитом. Значительная часть книги посвящена рассказам о малоизвестных событиях 1941–1943 годов. В начале Великой Отечественной войны командир 184-й дивизии В. Л. Абрамов принимал участие в боях за Крым, а потом по горным дорогам пробивался в Севастополь. С интересом читаются рассказы о встречах с фашистскими егерями на Кавказе, в частности о бое за Марухский перевал. Последние главы переносят читателя на Воронежский фронт. Там автор, командир корпуса, участвует в Курской битве. Свои воспоминания он доводит до дней выхода советских войск на правый берег Днепра.

ISBN 978-5-458-03284-1

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

На ратных дорогах

Кому нужна война

В старые времена на севере бытowała поговорка: «Кругом — мох, посредине — ох!» Она особенно подходила к деревушке Спировой, Олонецкой губернии, в которой прошли мое детство и юность. Стиснутые лесом и болотами, словно заплаты на рубище, пестрели там крохотные земельные наделы. Крестьяне от снега до снега трудились над ними, но суглинистая почва плохо вознаграждала труд. Мало у кого в деревне хватало своего хлеба до масленицы.

Нашей семье жилось особенно тяжело. Мне только минуло пять лет, когда пожар уничтожил избу и сарай. Сгорели лошадь — единственная кормилица — и с большим трудом выращенная корова. Старшие братья Терентий и Иван нанялись пастухами, сестры Матрена и Анна пошли батрачками к богатеям. С семи лет и мне пришлось пасти скот: устроился в подпаски к пастуху Игнату, недавно вернувшемуся с русско-японской войны. Сидя на пригорке, он часами рассказывал мне о боях, в которых участвовал, а я с жадностью слушая выпытывал подробности, просил рассказать о штыковых схватках.

— Замечаю у тебя большой интерес к военному делу. Видно, быть тебе ефрейтором или унтером, — говорил мне Игнат.

От того времени в памяти у меня осталось одно неистребимое, постоянное, сосущее чувство голода.

Как-то отец пошел к псаломщику, чтобы получить деньги за пахоту, и меня взял с собой. Когда мы вошли в избу, хозяин ел пшеничную кашу. Я жадно смотрел на него и облизывался — пшеничная каша была для меня пределом мечтаний.

Отец хорошо понимал мои чувства. Выйдя от псаломщика, он сказал:

— Ничего, Вася, подрастешь — пойдешь в школу. А выучишься, как псаломщик, тоже будешь есть пшеничную кашу.

Крепко запали мне в душу эти слова.

Отец купил на мой пастушечий заработок старые бахилы, и я пошел в школу. Трудно было осенью и весной работать и учиться. На рассвете выгонял скот в поле, поручал его своей младшей сестре. Вечером, после занятий приходилось делать крюк в несколько верст, чтобы пригнать стадо в деревню. Вставал я раньше всех. Хорошо еще, если можно было взять с собой кусок хлеба. Часто бегал в школу с пустым желудком.

Волостная школа, или, как ее называли, «училище», находилась в деревне Шуринге, в трех верстах от Спировой. Она была рассчитана на пять лет обучения в двух классах: младшем — с тремя отделениями и старшем — с двумя.

На третьем году учебы в нашем отделении появился новичок — Вася Потапов. Он приехал из далекой приозерной деревушки и был еще беднее меня. Днем он учился, вечером просил милостыню, а ночевал у кого-либо из крестьян или в школьной столярной мастерской. Мы подружились с ним. Когда начались сильные морозы, я оставался ночевать с Васей, и он делился со мной последним куском хлеба.

В деревне тогда считали: научился читать, писать — и уже грамотный. Поэтому после третьего отделения во второй класс пошли немногие. Меня и Васю продолжать учение убедил наш новый учитель Иван Емельянович Алексеев. Он всей душой был предан делу народного просвещения, из губернского города

приехал в нашу глухомань, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное».

Еще когда мы учились в третьем отделении, Иван Емельянович вечерами приходил к нам в столярную мастерскую, интересовался, как мы готовили уроки, поощряя наклонности Васи к рисованию, а moi — к пению. Он увлекательно рассказывал о Ломоносове, пешком ушедшем с берега Белого моря учиться. Беседы Ивана Емельяновича пробуждали у нас жажду знаний. Все чаще и чаще мы возвращались к мысли последовать примеру своего гениального земляка.

В 1907 году мы с Васей закончили школу. Выпускные экзамены сдали успешно и получили похвальные грамоты. Алексеев тут же начал хлопотать, чтобы нас зачислили в уездное училище на «земский счет». Мы написали прошения, и учитель переслал их в уездный центр — город Пудож.

Ответа ждали долго. Волостной писарь предложил мне работать у него помощником за три рубля в месяц. К чести родителей, хотя такое жалованье для них было большим подспорьем, они не противились моему стремлению продолжать учебу.

Только в конце лета из Пудожа пришло «казенное» письмо. Земская управа сообщала, что я в училище принят, занятия уже начались и мне надлежит поспешить с прибытием в город.

Отец принял героические меры для моей экипировки: у старьевщика купил в долг поношенные, но еще крепкие брюки в полоску, ватный пиджак и старую офицерскую фуражку с малиновым околышем. Мать отдала мне свои сапоги.

Поскольку Вася Потапов, также принятый в училище, ушел раньше, мне одному пришлось прошагать 224 версты по безлюдной лесистой местности.

Полученные в Шуринге знания позволяли нам с Васей поступить сразу в третий класс уездного училища. Вступительные экзамены по всем предметам мы оба сдали, но оба же споткнулись на «законе божьем». И не то чтобы мы не знали его. Просто старыйprotoиерей Разумов придрался к тому, что, читая рождественскую молитву, мы вместо слов «с небес зрящите» произнесли на деревенский манер «снебездрящите». Поп рассвирепел, обозвал балаболками и настоял, чтобы нас приняли во второй класс.

Поселились мы в открытом земской управой общежитии. Каждому из десяти принятых в училище крестьянских парней выдали по одеялу, матрацу, набитому соломой, и подушке. Кроватей не было, и спали мы на полу. Кормили нас впроголодь. На завтрак и ужин полагались ломоть хлеба и кружка чаю. Обед же обычно состоял из горохового супа или ухи из сущеной рыбы и тарелки жидкой пшенной каши. Поэтому мы частенько бродили по убранным огородам в надежде найти не замеченную хозяевами картошку или морковь,

В Пудоже была городская библиотека. Ученикам разрешалось пользоваться ею. Мы с Потаповым накинулись на приключенческие книги и надолго отбились от сна. Вечером, дождавшись, когда товарищи заснут, мы брали лампу и осторожно поднимались на чердак. Там, лежа бок о бок на голом полу, читали до тех пор, пока не кончался керосин.

Как мы ни таились, о нашихочных чтениях узнал надзиратель, прозванный за тяжелый нрав Удавом. Он запретил выдавать нам книги. С трудом, при помощи инспектора Алексея Федоровича Изотова, который переписывался с Алексеевым и тоже интересовался нашими успехами, удалось добиться отмены запрета. Теперь нам выдавали сочинения русских классиков и исторические книги. На-

шими любимыми героями стали Александр Невский, Дмитрий Донской, царь Петр, Александр Васильевич Суворов, генерал Скобелев.

* * *

Так мы с Васей и жили, деля горе и радость. К восемнадцати годам закончили уездное училище. Решили посвятить себя военной службе, а чтобы попасть в военную школу — поступить вольноопределяющимися в армию. Обратились к уездному воинскому начальнику. Тот расспросил нас о родителях, их достатке и заявил, что в военное училище дороги нам нет.

Инспектор Изотов был откровеннее. От него мы узнали, что соответствующие ведомства строго ограждают офицерский корпус от проникновения простых людей.

— Из крестьян если и принимают в военное училище, то разве только детей богатых, — сказал Алексей Федорович. — Я вам советую — поступайте лучше в Петрозаводскую учительскую семинарию.

И снова пришлось пешком добираться из Пудожа до Петрозаводска. Нам опять удалось успешно выдержать вступительные экзамены и попасть в число 27 счастливчиков, принятых в семинарию.

В 1914 году мы заканчивали последний курс и уже подумывали о том, как после семинарии сами будем обучать крестьянских детей. Но мечтам нашим не суждено было свершиться.

Началась война. Нарушился распорядок занятий. Часто на уроках вместо лекций начинались бесконечные разговоры. Учителя старались отравить нас ядом шовинизма.

В газетах мы ежедневно читали описания боев, очерки о подвигах русских солдат. Это еще больше будоражило воображение, подогревало желание отправиться на фронт.

Среди учащихся шли горячие споры. Одни, в большинстве сынки купцов и кулаков, радовались, что семинаристы мобилизации не подлежат. Другие утверждали: раз правительство объявило о свободном приеме студентов в вольноопределяющиеся, нам нужно вступать в армию. В более тесном кругу обсуждали будущее России после войны. Многие надеялись, что народу станет легче. Ведь после русско-японской появились конституция, Государственная дума.

Мы с Потаповым все чаще и чаще сходились на мысли, что наше место в армии. Нам исполнилось по двадцать лет. Оба были рослыми, сильными, легко поднимали на плечо пятипудовый мешок. К тому же живо вспоминались последние каникулы и посещение Спировой, совпавшее с мобилизацией. На войну уходили бородатые, многосемейные мужики и с ними мои братья Терентий и Иван. Кругом стояли плач и стон. Во время проводов одна женщина, обняв мужа, громко и надрывно причитала:

— Желанный мой! Пощто царь отнимает тебя от семьи и малых детушек? Нешто нет у него других — здоровых и бездетных?

Мне и Потапову казалось, что она имеет в виду именно нас.

Последний толчок к окончательному оформлению решения уйти на фронт дал образ Ивана Сусанина. В Петрозаводск тогда приехала передвижная опера. Учитель пения достал контрамарки, и мы с Василием попали на галерку. Чудесная музыка и пение очаровали нас. А самопожертвование Ивана Сусанина,

внешне похожего на моего отца, произвело настолько сильное впечатление, что нам тоже захотелось совершать подвиги и мы тут же твердо решили пойти на фронт добровольцами.

Провожать нас на пристань явилась вся семинария во главе с директором. К семинаристам присоединилось много учащихся других учебных заведений. Нас с Потаповым приветствовали, пожимали руки. А одна бойкая незнакомая гимнастка громко заявила:

— Вы настоящие герои, не то что эти слюнтяи! — И презрительно кивнула в сторону столпившихся гимназистов.

У сходен нас встречал капитан парохода. Приказав матросу приготовить каюту второго класса, он повернулся к нам и улыбнулся:

— Пароходство умеет ценить патриотов.

Лишь матрос, открывший каюту, не поддался общему настроению.

— Проходите и располагайтесь. Только не воображайте себя героями. На мой взгляд, оба вы дураки, — уверенно заявил он.

— Ну, ты, того... легче на поворотах, — огрызнулся Потапов.

— Обиделся? А ты лучше слушай и на ус мотай. Зачем тебе война? Богатеям она нужна. Вот они и ищут дурачков, вроде вас.

Как студеной водой облил и ушел.

* * *

Утро дня прибытия в Петроград выдалось солнечное, теплое. Город, освещенный яркими лучами, выглядел сказочно красивым. Нас поразили огромные, нарядные дома, позолоченные купола храмов. Тревожные мысли, навеянные матросом, рассеялись, захотелось прямо с пристани пойти знакомиться со столицей.

Но приказ воинского начальника требовал спешить к месту назначения — на пересыльный пункт в Петропавловской крепости. Оттуда нас направили в 5-й запасной полк, который располагался на Охте, в Новочеркасских казармах.

К вечеру у нас уже было четыре товарища, тоже добровольцы. Бывший ученик выборгской учительской семинарии Иван Бардышкин, малорослый, с некрасивым лицом, толстыми губами и воспаленными глазами, был, однако, остроумным и веселым. Рядом с ним застенчивый силач Никита Гебельт, широкоплечий, сутулый, неповоротливый, казался настоящим великаном. Большеглазый студент Сережа Климов, высокий шатен с едва пробивающимися усиками, отличался тихим голосом, спокойными движениями. Четвертым в нашей компании оказался черноволосый красавец реалист Петр Дмитриев.

В запасном полку мы пробыли около двух недель. Ежедневно по десять часов занимались строевой подготовкой, штыковым боем, отрабатывали подготовительные стрелковые упражнения.

Потом/помнится, в воскресенье, перед обедом из канцелярии вышел писарь и объявил:

— Кто желает сегодня добровольно ехать на фронт, подходи записываться.

Наша шестерка записалась первой. Всего желающих набралось около пяти сот. Всех отправили в 67-ю дивизию, прикрывавшую финское взморье.

15-я рота, в которую зачислили нас, вольноопределяющихся, стояла в финском городе Ганге. Здесь под руководством младшего унтер-офицера Филаретова мы продолжали обучаться военному делу.

Занятия были напряженными, свободного времени оставалось мало. Только перед отбоем можно было побалагурить с приятелями. Такие вечерние сборища сблизили нас с солдатами, в основном пожилыми крестьянами Смоленской губернии. Народ этот был общительный, прямодушный, большой любитель песен.

Однажды, после того как мы с Потаповым спели русскую народную песню, к нам подошло несколько человек.

Высокий, широкоплечий, с большими рыжими усами старший унтер-офицер протянул руку:

— Будем знакомы — Никита Цветков.

— Лучше нашего дьякона поете, — улыбаясь, добавил кряжистый ефрейтор и тоже, протянув руку, представился: — Иван Середа.

Вскоре после этого знакомства роту подняли по тревоге, приказали забрать пожитки и выходить из казармы.

Зябко поеживаясь на только что выпавшем первом снегу, солдаты нашего четвертого батальона построились на городской площади. Священник отслужил молебен. Потом батальонный объявил:

— Поздравляю, братцы, с выступлением на фронт! Покажем немцу русскую солдатскую силу. Ура!

И вот уже поданы теплушки. Нары в них пахнут свежей сосновой. Располагаемся, запеваем песню. Прощай, мирная жизнь!..

Когда позади осталась Варшава, появились первые следы войны: разбитые станционные постройки, черные печные трубы на месте сгоревших домов.

На станции Скерневице полк высадился. Расположились бивуаком на огромной площади, окруженной небольшими домишками. Слева костел и кирпичный дом ксендза. Сразу за домами поле. Петляя, вдаль уходит изрезанная рыхтинами дорога. Мы видим, как по ней к станции движется вереница подвод с тяжелоранеными, а по обочинам плетутся легкораненые, с окровавленными повязками. От них узнали, что фронт совсем близко и бои там идут сильные, с утра до ночи.

На следующий день, 8 ноября 1914 года, начался марш. За три дня прошли девяносто верст. В полдень десятого стали слышны далекие пушечные выстрелы. Изредка встречались подводы с ранеными. Солдаты торопливо уступали им дорогу.

К вечеру уже различалась пулеметная стрельба. Казалось, где-то неподалеку колотушками переговариваютсяочные сторожа. Прошли еще верст пять лесом и спустились в окопы.

Отделенный командир В. Беляев приказал:

— Винтовки зарядить и положить на бруствер! Без моей команды не стрелять. Не спать. Ночью пойдем в наступление.

Долго мы с Потаповым стояли в окопе, пристально вглядываясь в темноту, ловя ночные звуки. Впереди, совсем близко, — немцы. Но они ничем себя не выдавали. Лишь время от времени в небо взлетала ракета, описывала дугу и падала, затухая.

Под утро из соседнего взвода прибежали Климов, Дмитриев и Гебельт. Климов, служивший до этого в армии, предложил:

— Давайте держаться вместе, фельдфебель разрешил. Будем действовать по двое. Только, чур, помните святое правило — друг друга выручать.

Потом нас собрал отделенный:

— Сейчас будет сигнал к наступлению. Как выскочим из окопа, сначала пойдем быстрым шагом, без шума. Стрелять запрещается — в своих попасть можно. А останется до немецких окопов шагов сто пятьдесят, кричи «ура» и бросайся в атаку. В окоп прыгай смело, коли немца штыком, бей прикладом. Очистим один окоп, вылезай и беги дальше. Там вторая линия. Понятно?..

О своем первом штыковом бое участники вспоминают по-разному. Одни говорят, что сгоряча ничего не замечали, все проходило словно в тумане. У других, наоборот, первый бой запечатлелся до мельчайших подробностей. Я отношусь к последним. Прошло почти 50 лет, а свою первую атаку я помню так живо, будто это только что произошло.

Климов построил нас клином: сам в центре и впереди, правей — мы с Потаповым, левей — Дмитриев, Гебельт и Бардушкин. Наш младший унтер-офицер совершенно преобразился. Казалось, он стал выше ростом. Но почему так часто снимает очки и протирает стекла? Видно, все же волнуется.

Потянул предрассветный ветерок.

— Вперед! — пронеслась по окопу команда.

Мы выпрыгнули наверх, на мгновение задержались, как бы собираясь с духом, и торопливо пошли вперед. Темнота постепенно раздвигалась. Стали видны поле, неровная цепь солдат. Впереди идут ротный и батальонный.

Тишину разорвал выстрел из немецких окопов. Следом раздались залпы, заработал станковый пулемет.

Батальонный обернулся, выхватил из ножен шашку, громко крикнул: «Ура!» — и побежал. Тысячи голосов наполнили поле победным криком, придавая храбрости слабым и наводя страх на врагов. Потом то здесь, то там, словно подкашиваемые невидимой рукой, падали в нашей цепи сраженные пулями солдаты.

Батальонный первым подбежал к немецкому окопу, вскочил на бруствер, но тут же упал, бездыханный.

Увидев, что в меня целился немец, я успел выстрелить, затем всадил в податливое тело штык. Издав короткий стон, враг упал. Левей что-то тараторил второй. Вместе с Климовым заколол его и бросились на третьего. Но тут я услышал голос Потапова:

— Василий, на помощь!

Оглянулся, вижу — на него и Бардушкина напали три немца. Поворачиваюсь и всаживаю штык в бок одному из них. Второго заколол Климов, а с третьим расправились Потапов и Бардушкин.

Снова и снова вспыхивают короткие схватки. Слышится звон металла, стоньи раненых, тяжелое дыхание дерущихся. Сквозь непонятное бормотание немцев доносятся выкрики разгорячившихся солдат:

— Вот тебе, собачья душа!

— Получай, сволочь!

Противник не выдержал нашего напора, побежал. Мы погнались за отступающими, в дальних стреляли, ближних нагоняли и кололи в спину. Так, преследуя бегущих, ворвались во вторую линию окопов. Снова разгорелся штыковой бой. Но немцев здесь было меньше, и мы быстро с ними справились.

Когда уже все кончалось, меня опять окликнул Потапов:

— Спасай Бардушкина!

Оказалось, Иван оторвался от группы. Здоровенный немец выбил у него винтовку и замахнулся своей. Мы опоздали на какое-то мгновение. Бардушкин, охнув, упал на землю. И тут же два штыка — мой и Климова — пронзили врага.

Было обидно, что мы не смогли спасти товарища. А он лежал, удивленно раскрыв глаза, словно желая спросить:

— Ребята, что со мной?

— Вперед! — крикнул взводный. — Убитым займутся санитары!

На окраине города Бяла (его название мы узнали позже) — еще окопы. В них ворвались с большей яростью. Климов и Потапов хрюпали орали:

— Коли за Бардушкина!

— Бей за Ивана!

С десяток немцев заплатили жизнями за смерть нашего друга. Позже солдаты говорили, что наша группа носилась по окопам, колола направо и налево, не разбирая, живых и мертвых.

Батальон быстро проскочил по улицам безлюдного города и вышел в поле. Тут послышалась команда:

— Окопаться! Командирам взводов доложить о потерях!

Солнышко начало пригревать. Мы сняли шинели, прилегли отдохнуть. Потом стали рыть окопы. Нервное напряжение склонило, уступив место покою и радости от сознания, что мы дрались как следует и остались живы. Все разговоры только о прошедшем бое. Вспоминали отдельные детали, жалели погибших товарищей, батальонного.

В нашей пятерке мы больше всего толкуем о Бардушкине. Какой это был остроумный, интересный, большой силы воли человек, хотя и слабый здоровьем...

Новости на фронте распространялись быстро, от офицера к офицеру, от денщика к денщику, от писаря к писарю и от солдата к солдату. Этот способ связи получил название «солдатского вестника». Благодаря ему мы часто узнавали о событиях, происшедших далеко от нас, в другой армии, раньше, чем о них сообщали официально или печатали газеты. Кстати сказать, газеты солдаты не получали, разве изредка «контрабандой» доставали через денщиков.

Так, с помощью «солдатского вестника» до нас дошло, что наша 67-я пехотная дивизия 12 ноября положила начало знаменитой Лодзинской операции.

Еще когда к концу октября многодневные кровопролитные бои под Варшавой закончились поражением 3-й германской и 1-й австрийской армий, русские войска стали готовиться к глубокому вторжению в пределы Германии. Этого, как и в августе, опять требовали союзники, чтобы ослабить нажим немцев на Францию.

Германский генеральный штаб был осведомлен из перехваченных радиограмм о замыслах русского командования. Располагая густой сетью железных дорог, он решил провести маневр. 9-я немецкая армия сосредоточилась для удара во фланг и тыл русским войскам на лодзинском направлении. Знало об этом русское командование или нет, только оно с ходу бросило 67-ю дивизию против превосходящих сил врага.

Наше наступление и захват города Бяла были неожиданными для противника. Но на следующий день он уточнил обстановку, прощупал нас и после полудня

нажал так, что вынудил дивизию к отходу.

Наступление крупных германских сил на 5-й Сибирский корпус у Влоцлавска и последующий удар по 2-му русскому корпусу у Кутно дали противнику возможность вывести в тыл 2-й русской армии сорокавосьмитысячную группу генерала Шеффера. Обойдя Лодзь с востока, немцы пытались окружить русские войска, оборонявшие город.

Под вечер 13 ноября начался артиллерийский обстрел. Затем на наши окопы полезла вражеская пехота. Первую атаку мы отбили. Но в нашу сторону снова полетели снаряды и стали рваться над головами, осыпая окопы осколками. Заработали немецкие пулеметы. И опять атака. Мы ответили залпами, однако атакующие не залегали. Когда они подошли ближе, их артиллерия перенесла огонь в наш тыл. Мы облегченно вздохнули. Многие поднялись и вели огонь стоя, воинственно покрикивая:

— Иди, иди ближе! Я те угошу! Взводный Комаров выскочил из окопа:

— В штыки, ребята! Ура-а!

Все подхватили боевой клич и устремились на противника. Немцы в нерешительности остановились. Потом показали спину. Нам не разрешили погнаться за ними, раздались крики взводного и отделенных:

— Отбой! Давай обратно в окопы!

Оказалось, со стороны фольварка появилась вторая, более густая немецкая цепь.

Началась перестрелка. Только сгустившиеся сумерки заставили прекратить ее. Полк выслал вперед караульных и солдаты уже стали укладываться на noctleg, когда поступил приказ отойти на окраину города Бялы.

На следующий день немцы продолжали наступать, однако продвигались медленно и осторожно. Мы встретили их дружным огнем.

Отход нашего полка продолжался три дня. Солдаты недоумевали. В самом деле, мы отбиваем все атаки, а приказ требует отходить. Только 18 ноября узнали, в чем дело. Оказывается, фланги противника вклинились далеко вперед, и нам грозило окружение.

20 ноября в сумерки, как обычно, приехали ротная кухня и патронная двуколка. Каждый солдат получил полный котелок супа, порцию хлеба, набрал до положенной нормы патронов.

Но, собираясь уезжать, кашевар вдруг объявил:

— Завтра меня не ждите.

— Почему? — удивились мы.

— Немец дорогу перекрыл. Я сейчас едва прокочил. Позже, когда по окопу проходил ротный, Климов спросил его:

— Ваше благородие, правду говорят, что «нас немец окружил и всем грозит плен?

Ротный сердито взглянул на него:

— Наше дело, вольноопределяющийся, воевать, а не ловить всякие слухи.

После такого ответа солдаты поняли, что дело наше незавидное.

На следующий день немцы опять пробовали наступать, но отошли с большими потерями. Мы стреляли реже, а целились лучше. Вечером кухня, конечно, не приехала и боеприпасов не привезли.

Когда стемнело, к нам пришел старший унтер-офицер Никита Цветков.